

Борис Степанович Житков. Николай Исаич Пушкин

Книга: Б.Житков. "Джарылгач". Рассказы и повести
Издательство "Детская литература", Ленинград, 1980
OCR & SpellCheck: Zmiy (zmiy@inbox.ru), 9 июня 2002 года

Стоят на пристани пассажиры, ждут парохода.

- Вон, вон, кажется, "Пушкин" идет.

Отвечают портовые люди:

- Правильно, это Стратонов.

Пассажиры:

- "Пушкин" ведь?

- Ну да: Николай Исаич.

Пассажиры переглядываются - вот неучи какие моряки: не знают, что Пушкин - Александр Сергеич. Николай Исаич Пушкин! Вот дураки-то.

А Николай Исаич стоит на мостике "Пушкина", глядит в бинокль и рывкает из бороды:

- Права... еще права. Так, так держать!

И знает Николай Исаич, что весь "Пушкин", от верхушки мачты до днища, - все это он - Николай Исаич. И что когда посадит он "Пушкина" на мель, никто не скажет: "Пушкин" напоролся, а прямо будут говорить:

- Николай Исаич на мель сел. Стратонову скулу помял... пять футов воды в трюме.

Сам все эти пять футов воды ртом бы выпил, и пусть бы обе скулы, всю бы морду ему разворотили, с радостью дал бы Николай Исаич, лишь бы не было такого греха.

И так вот всякий капитан.

Потому и говорят: "Ерохин снялся; Федор с моря идет".

А в "Федоре" этом - десять тысяч тонн, и на носу покрашено: "Меркурий".

Я сам это понял только тогда, когда первый раз посадил парусник. Дело было просто. Шел я в свежую погоду у Тендры, ночью. Помощник мой вахту стоял. Вот по времени должна уж быть Тендра. А это, надо сказать, песчаная коса, ее и днем-то за двести саженей можно не увидеть. Я вышел и слышу: не та зыбь, метет прибой, россыпи слышно.

Я говорю помощнику:

- Сейчас в Тендру вопремся, уваливайтесь под ветер.

А он говорит:

- Приведите к ветру, лот брошу.

То есть чтоб я поставил судно против ветра, а он смерит, сколько глубины!

А привести к ветру - это выходит с ходу еще сажень двадцать пролететь к берегу.

- Приведите! - кричит помощник.

- На вашу голову?

- Ладно. - И побежал он с лотом на бак.

Я привел, и еще ходу не потеряли, как ткнуло в грунт и дрогнуло все судно. Подняло зыбью и ударило дном. У меня душа оборвалась.

Потом на берегу спрашивали:

- Ты под Тендрой сидел?

- Да, понимаешь, помощник...

Все усмеваются, отворачиваются. Никто настоящего слова не сказал. Отец только мне сказал это слово, да его не напечатают. И верно. А помощнику что? Сидел-то ведь не он, а я.

И с тех пор я уже накрепко понял: не судно ходит, а капитан. Не судно гибнет, а...

Вот тут-то я вам и расскажу недавний случай с моим другом-приятелем. Дело было так.

Ледокол промышлял во льдах в Белом море. Промышлял, то есть у него на борту было душ полтораста промышленников, и ледокол лазил меж льдов по свободной воде, шел туда, где залег зверь. Капитан был молодой, лет тридцати пяти мужчина. Промышленники его любили за то, что с ним пойдешь - всегда удача. Зверя было "балго", и набили на льдине тюленей - беда сколько. Били и отстать не могли, в раж вошли люди от крови и от удачи. Такая жара пошла, что капитан сам не выдержал, сбегал на лед и сажил багром тюленьи головы.

- Эх, здорово капитан завел, - красные, в поту и в крови, хвалили